

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Д. Ю. Полдников

Московский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2010 г.

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые из основных этапов формирования института прямого представительства в частном праве стран романо-германской правовой семьи. Древнеримские запреты заключать стипуляцию в пользу третьего лица и приобретать имущественные права через посторонних препятствовали появлению общей концепции прямого представительства, а также договоров в пользу третьих лиц не только в римской юриспруденции, но и в средневековом римском праве (*ius commune*), разработанном глоссаторами и комментаторами в XII—XV вв. Основные положения концепции прямого представительства формируются после того, как испанские правоведы XVI в., а вслед за ними Гуго Гроций приходят к необходимости выделить особую группу обещаний — в пользу отсутствующего выгодоприобретателя, когда формальный кредитор может действовать без поручения конечного бенефициара. Однако даже наиболее последовательное учение Гроция не отражает в полной мере все основные положения современной концепции прямого представительства.

Ключевые слова: прямое представительство, обещание в пользу отсутствующего, римское право, средневековое римское право, глоссаторы, поздняя схоластика, Гуго Гроций.

Abstract: the article deals with some key steps leading to legal recognition of the direct agency in civil law countries. Two clear prohibitions in Roman law to stipulate in favour of a third party and to acquire property rights through a third person prevented lawyers from recognizing direct agency not only in Ancient Rome, but also in the medieval civil law doctrines (*ius commune*), as elaborated by glossators and commentators in the University of Bologna during 12th to 15th centuries. The main staples of the concept of direct agency are due to Spanish legal scholars of the 16th century as well as Hugo Grotius, who came up with the idea of a new type of promises, namely in favour of an absent beneficiary where the nominal creditor may act without direct authorisation of the intended beneficiary. However, even the most elaborated doctrine of Hugo Grotius misses several crucial points of the concept of direct agency as we know it today.

Key words: direct agency, promise in favour of an absent beneficiary, Roman law, medieval Roman law, glossators, late scholastics, Hugo Grotius.

Гражданско-правовой институт договорного (добровольного) представительства в наши дни воспринимается как одно из привычных частно-правовых средств. Суть прямого представительства, как известно, заключается в том, что одно лицо (представитель, поверенный) совершает юридически значимые действия от имени другого лица (принципала, доверителя) на основании полномочия от последнего. При этом все пра-

новые последствия совершенного действия (права и обязанности) возникают непосредственно для принципала¹. Принципиальными моментами являются возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей из сделки представителя *непосредственно* для принципала (в силу прямого указания закона — п. 1 ст. 182 ГК РФ), раскрытие контрагенту представителем своей роли, а также юридическая обособленность личностей представителя и принципала.

Модернизация римского права и отсутствие курса по истории институтов частного права в системе отечественного юридического образования порождают ошибочное представление об извечности и постоянстве данного института. Между тем прямое представительство было окончательно признано в континентальной Европе лишь в Новое время, причем не благодаря, а вопреки наследию римского права. В рамках данной статьи мы остановимся лишь на некоторых ключевых моментах этого длительного и сложного процесса.

Имеющиеся в нашем распоряжении правовые источники позволяют утверждать, что правопорядку *Древнего Рима* прямое представительство в указанном выше значении не было известно². Обращает на себя внимание отсутствие в юридической латыни термина, который соответствовал бы тому, что в современных правовых системах Европы именуется представительством.

С формальной точки зрения, признанию прямого представительства препятствовало два общих запрета: стипулировать (обязывать посредством контракта стипуляции) в пользу третьего лица и приобретать имущественные права через посторонних лиц. Оба они отражены в позициях юристов классического периода. Первое правило восходит к словам Ульпиана, который объясняет данное ограничение *отсутствием интереса* кредитора в подобном договоре (D.45.1.38.17): **«Никто не может стипулировать в пользу другого** (*Alteri stipulari nemo potest*), за исключением (стипуляций) раба в пользу хозяина (и) сына в пользу отца. В самом деле, обязательства созданы для того, чтобы каждый приобретал себе то, что в его интересах. Если же (я стипулирую), чтобы (нечто) было дано другому, то (в такой стипуляции) нет моей заинтересованности».

Заинтересованность кредитора имела принципиальное значение для защиты его права в суде. В Древнем Риме действовал принцип *денежного присуждения* ответчика (*condemnatio pecuniaria*), в силу которого судья оценивал каждое требование в звонкой монете. К тому же в формулярном гражданском процессе классического периода *отсутствовала исковая формула в пользу третьего лица*. Судья не имел возможности

¹ См.: *Нерсесов Н. О.* Представительство и ценные бумаги в гражданском праве (переизд.). М., 2000. С. 73.

² Римское право классического периода признало лишь прямое процессуальное представительство. См.: Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого [и др.]. М., 2004. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *Zimmermann R.* The law of obligations. Roman foundation of the civilian tradition. Capetown, 1992. P. 47.

удовлетворить требование кредитора по стипуляции дать определенную вещь или денежную сумму в пользу кого-то помимо кредитора-истца.

Из первого запрета логически вытекает второй, описанный в Институциях Гая (2.95): «... мы не можем приобретать никаким образом посредством свободных людей, которых мы не имеем в нашей власти и которыми не владеем добросовестно, равным образом посредством чужих рабов... В этом-то смысле и говорится обыкновенно, что **через постороннее (третье) лицо мы ничего не приобретаем** (per extraneam personam nobis adquiri non posse)...».

Данное правило объясняется специфической структурой римской семьи. Юридические акты подвластных считались совершенными самим домовладыкой (pater familias) и в свою же пользу (D. 50.17.133). Такие установления отчасти удовлетворяли потребность в прямом представительстве. В дополнение к ним существовало немало других примеров «косвенного представительства», как то: заключение договора от своего имени на основании распоряжения (iussum) или последующего одобрения (ratihabitio, D. 46.8.12.1; 3.5.5.11), а также непосредственного поручения (mandatum) принципала, через посланника (nuntius) в неформальных сделках (D. 18.1.1.2), через управомоченного по фидуциарной сделке (Gai. 2.60) и др. Однако несмотря на немалое число таких суррогатов, действие вышеупомянутых запретов сохранялось на протяжении постклассического периода и распространялось не только на стипуляцию, но и на другие договоры³.

Основоположником современной концепции прямого представительства нередко называют великого голландского правоведа Гуго Гроция⁴. Подчеркивая значимость воли сторон в договоре для возникновения правовых последствий, автор трактата «О праве войны и мира» (1625) утверждал: «Обычно возникают противоречия относительно акцепта, сделанного за другое (лицо): в таких (случаях) следует отличать данное мне обещание передать вещь другому от обещания, данного на имя того, кому следует передать вещь» (De iure belli. Lib. II. Cap. XI. 18)⁵. Но Гроций не был первым, кто осмелился поддержать идею прямого представительства. Он опирался на опыт предшествующих столетий.

³ См.: Сцевола, D. 50.17.73.4: «Нельзя защищать чужие интересы ни соглашением, ни оговоркой (в завещании?), ни стипуляцией». Оба запрета подтверждены конституцией 290 г. Диоклетиана (С. 4.27.1pr.) и Институциями Юстиниана (Inst. II.9.5; III.19.19).

⁴ См., например: Zimmermann R. Op. cit. P. 45; Müller U. Die Entwicklung der direkten Stellvertretung und des Vertrages zugunsten Dritter. Ein dogmengeschichtlicher Beitrag zur Lehre von der unmittelbaren Drittberechtigung und Drittverpflichtung. Stuttgart, 1969. S. 128.

⁵ Здесь и далее приводится авторский перевод цитируемых фрагментов с латинского языка. Имеется альтернативный перевод трактата Гроция на русский язык: Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права : пер. с лат. / под ред. С. Б. Крылова ; пер. А. Л. Сакетти. М., 1956.

Средневековая духовная жизнь характеризуется преклонением перед авторитетами. В области гражданского права таковым стал Свод Юстиниана. Основоположники доктрины **средневекового ius commune** болонские глоссаторы концентрировали усилия на буквальном толковании его текста. Такая установка неизбежно вела к признанию запрета заключать договор в пользу третьего лица и приобретать через него какие-либо имущественные права. Точки над «i» расставлены в одной из ранних глосс, приписываемых основателю школы Ирнерию: «По общему правилу из стипуляции одного у другого не возникает иска» (Глосса к слову «danda» из D. 3.3.27.1)⁶.

Изложенную позицию разделяло большинство глоссаторов и их преемников — комментаторов, для которых авторитет Свода Юстиниана оставался непререкаемым. Лишь один именитый глоссатор Мартин высказался в пользу признания представительства и его защиты посредством основанного на справедливости иска по аналогии: «Также М(артин) утверждает, что из чужого соглашения предоставляется *иск по аналогии* тому, в чью пользу он заключен»⁷. Однако новаторская, но слабо подкрепленная источниками позиция Мартина — ученика Ирнерия — о защите интересов выгодоприобретателя по соглашению в пользу третьего лица не нашла поддержки у профессоров *ius commune*⁸.

Более важным для истории интересующего нас института представляется партикулярное законодательство новых западноевропейских государств. Учитывая формат данной статьи, рассмотрим наиболее значимый пример. В сборнике законов *Ordenamiento de Alcalá*, составленном по распоряжению кастильского короля Альфонсо XI Мудрого в 1348 г., имеется титул о заключении обязательств. В него включен единственный закон «Если окажется...» («Paresciendo...»), содержание которого можно перевести со старокастильского следующим образом: «Если окажется, что некто намерен связать себя обязательством в пользу другого посредством обещания, или договора, или иным способом, то он обязан исполнить обещанное и не может защищаться ссылкой на то, что не было совершено стипуляции, т.е. не дано обещание в соответствии с установленными законом формальностями, или на то, что обязательство или договор заключены между отсутствующими; не вправе он ссылаться и на то, что (обещание) между отсутствующими в пользу другого дано не в присутствии должностного лица или иного свидетеля — частного лица,

⁶ Цит. по: *Besta E. L'opera d'Irnerio. Vol. 2. Torino, 1896.*

⁷ Цит. по: *Haenel G. Dissensiones dominorum. Leipzig, 1834. P. 428—429.*

⁸ Средневековое каноническое право также не отменило римский запрет стипулировать в пользу другого. На основе одной из декреталий Бонифация VIII, вошедшей в состав Свода канонического права (часть *Liber Sextus*), сложилась брокарда: «Тот, кто совершает для другого, совершает для себя» («*Qui facit per alium, facit per se*»). Подробнее см.: *Padoa Schioppa A. Sul principio della rappresentanza diretta nel Diritto canonico classico // Atti del IV congresso internazionale sul diritto canonico medievale. Monumenta Iuris Canonici, Serie C, subsidia 5. Citta del Vaticano, 1976. P. 107—131.*

или что он обещал одному дать или сделать что-либо для другого. Обязательство или договор, несомненно, действителен, если явствует, что некто (обещающий) намерен связать себя в пользу другого лица, заключив с ним договор»⁹.

Признавая обязательства в пользу третьих лиц, кастильский законодатель прекрасно осознавал, что новый закон противоречит римскому. Поэтому он специально запретил должнику ссылаться на факт акцепта обещания другим лицом — не выгодоприобретателем, а посторонним лицом (*extraneus*). Кроме того, закон запрещал отказываться от исполнения обязательства под предлогом того, что бенефициар и акцептант не являются одним и тем же лицом. Принятие закона, отступающего от римской правовой традиции, было решительным поступком, к которому подталкивали экономические потребности кастильского общества XIV в.

Однако о законодательном закреплении прямого представительства говорить еще рано. Закон «Если окажется...» не содержит четких положений по ряду принципиальных для современной теории представительства моментов. Так, он хранит молчание по поводу роли выгодоприобретателя в договоре в его пользу. Требуется ли его согласие для придания обязательству силы? Если нет, то как юридически объяснить связанность должника обещанием в пользу того, кто не участвует в заключении договора? Кроме того, современная концепция представительства предполагает, что права и обязанности по сделке приобретает вместо представителя представляемый (принципал). Кастильский закон запрещает ссылаться на то обстоятельство, что обещание (?) дано в пользу третьего — отсутствующего — лица. Однако текст соответствующего предложения в оригинале не точен и допускает различные толкования.

Наконец, из формулировки закона не ясно — возникает ли обязательство непосредственно между выгодоприобретателем (третьим лицом) и должником по стипуляции или же требуется уступка права требования кредитором.

Отрывочные положения средневекового кастильского законодателя еще раз подтверждают, что логически стройное представление об институте представительства предполагает его доктринальную разработку.

В Испании к анализу проблемы представительства обратились представители забытой ныне научной школы *поздней схоластики XVI в.* Одной из главных целей данной школы было переосмысление гражданского, канонического и позитивного права с философских позиций Аристотеля и Фомы Аквинского. Поздние схоласты подошли к толкованию закона «Если окажется...» с точки зрения обязательности простого соглашения и значения, которое имеет намерение должника вступить в обязательство. В самом деле, не связывает ли закон обязательность договоров в пользу третьих лиц с намерением должника связать себя обещанием? Каково

---

⁹ Ordenamiento de Alcalá, c. 29 // Colección de Córtes de los antiguos reinos de España / por la Real Academia de la Historia. Coordinación Guillermo Redondo Veintemilla; Esteban Sarasa Sánchez. Vol. 1. Madrid, 1855 (переизд. Zaragoza, 2005).

значение такого намерения, выраженного в еще не акцептованном обещании?

Позиция средневековых юристов *ius commune* на сей счет однозначна — одностороннее обещание (чаще всего — совершить дарение) не влечет возникновения ни гражданского, ни натурального обязательства. Цивилисты отождествляли обещания такого рода с древнеримской *pollicitatio* и опирались на соответствующие фрагменты Свода (D.50.12.3.pr. и др.)¹⁰.

Для схоластов XVI в., многие из которых являлись членами ордена доминиканцев или иезуитов и большое значение придавали моральным и нравственным основам правопорядка, ответ не был столь очевидным. Так, по мнению Антонио Гомеса, невозможность оспорить стипуляцию в пользу отсутствующего по закону «Если окажется...» означает, что должник обязан исполнить обещание даже без его акцепта непосредственным контрагентом или выгодоприобретателем: «Обратите внимание, что даже когда кто-либо обещает неформально и посредством простой *pollicitatio* отсутствующему, то, согласно положениям указанного закона («Если окажется...»), ныне в нашем королевстве (Кастилии. — Д. II.) из такого простого обещания возникает иск и (таким образом) изменяется весь титул (Дигест) о *pollicitationes*»¹¹.

Однако большинство испанских схоластов отказывались расширительно толковать неоднозначный закон и не признавали обязательность обещаний до акцепта кредитором, поскольку они могут быть отозваны. Помимо значения самого обещания в пользу отсутствующего бенефициара до его акцепта, объяснения требует правовая природа договора в пользу третьего лица, не признанного ни римским правом, ни средневековым *ius commune*. Анализируя данный договор, испанские схоласты выделили в качестве отдельных элементов:

— адресата обещания (кому адресованы слова обещания, контрагенту или третьему лицу);

— обещанное исполнение (какое именно исполнение обещано).

Речь идет о логическом разделении «слов обещания» (*verba promissoria*) и «слов исполнения» (*verba executoria*), новом как для римского, так и для кастильского права. В традиционной римской стипуляции между присутствующими адресат обещания (выгодоприобретатель) является кредитором, задающим формальный вопрос должнику, и этому же кредитору должник обещает дать или сделать что-либо. Стипуляция в пользу отсутствующего третьего лица, согласно схоластам XVI в., может совершаться в двух вариантах:

1) кредитор спрашивает у должника обещание совершить нечто в

¹⁰ Доктора канонического права предполагали возникновение моральной (не-исковой) обязанности исполнить обещанное, поскольку перед Господом все обещания равны. Соответствующие комментарии изложены в связи с фрагментами X. 1.35.3 и C. 33.q.5.c.12 Свода канонического права.

¹¹ *Gómez A. Variæ resolutiones. T. II. Cap. XI. № 18 // Opera Omnia. Pars I. Antwerpen, 1693. P. 248—249.*

пользу отсутствующего третьего лица («Обещаешь ли мне, что дашь 'х' Тицию?»);

2) кредитор спрашивает у должника обещание непосредственно отсутствующему третьему лицу дать или сделать что-либо («Обещаешь ли Тицию, что дашь ему 'х'?»).

В первом случае *verba promissoria* адресованы присутствующему кредитору, а *verba executoria* — отсутствующему выгодоприобретателю. Во втором случае адресат совпадает. В обоих случаях предполагается, что обещание акцептует присутствующий кредитор.

По мнению Гомеса, в первом случае выгодоприобретатель не имеет прямого иска к должнику, поскольку само обещание адресовано присутствующему кредитору и обязательство возникает между присутствующими контрагентами. Отсутствующий выгодоприобретатель может требовать исполнения только через присутствовавшего при совершении сделки кредитора (в роли *procurator'a*), если последний уступит ему иск к должнику. «Кроме того, вышеупомянутый королевский закон следует относить на тот случай, когда слова обещания адресованы отсутствующему третьему лицу; иначе (происходит) в том случае, если (слова обещания) адресованы представителю или лицу, ведущему дела (выгодоприобретателя) (т.е. присутствующему кредитору. — *Д. П.*), поскольку, как я полагаю, (здесь) требуется уступка (права на иск), если обещание нарушено»¹².

Следует отметить, что комментируемый закон «Если окажется...», по мнению Гомеса, применим только в случае недействительности стипуляции по доктрине *ius commune*, т.е. когда *verba promissoria* адресованы отсутствующему бенефициару. *Ius commune*, вслед за Аккурсием (Глосса «*Supra dictum*» к *Inst.* 3.19.19), допускало упоминание в этой части стипуляции только присутствующего кредитора.

Иное обоснование действительности стипуляции в пользу отсутствующего предложил Диего Коваррувиас (1512—1577). С Гомесом он расходится в принципиальном вопросе — об источнике обязательства. По его мнению, обязательным (и безотзывным) является только акцептованное обещание. Следовательно, источник обязательства — это *pactum* (соглашение), а не *pollicitatio* (одностороннее обещание). Основные аргументы в пользу представительства при совершении сделок за отсутствующих испанский схоласт черпает из доктрины условного дарения (*donatio sub modo*), разработанной итальянскими комментаторами на основе конституции Диоклетиана (С. 8.54.3).

Смысл указанного *donatio* в следующем: собственник дарит свое имущество одаряемому с условием, что по истечении определенного срока или наступления известного условия подаренное имущество перейдет в собственность третьему лицу. Важно отметить, что указанная конституция не требует присутствия этого третьего лица при совершении дарения, но прямо предоставляет ему возможность в исковом порядке потре-

¹² *Gómez A. Op. cit.*

бовать от одаряемого передачи дара в соответствии с условием дарителя. Конкретный вид иска при этом не указан.

Очевидно, Коваррувиас увидел сходство императорской конституции с королевским законом «Если окажется...». Действительно, в обоих нормативных актах речь идет о приобретении блага отсутствующим лицом, которое вправе требовать передачи данного блага от стороны, присутствовавшей при совершении сделки, не нуждаясь для этого ни в какой уступке или переводе прав. Испанский правовед трактует условие как дополнительное соглашение дарителя и одаряемого, из которого явствует намерение дарителя предоставить имущественное право третьему (отсутствующему) лицу. Последнее приобретает данное право, как только даст согласие им воспользоваться, либо за него такое согласие изъявит компетентный нотариус. Однако в акцепт нотариуса, очевидно, влечет не возникновение полноценного обязательства, а лишь о безотзывности одностороннего обещания дарителя: «...Это следует относить даже к тем случаям, когда не было совершено никакой цессии, лишь бы последовало одобрение или акцепт (бенефициара. — Д. П.); и пока (ничего из названного) не последовало, не возникает никакого иска и, исходя из вышеизложенного, само обязательство не считается достаточно прочным для предъявления иска без (совершения) цессии, хотя его нельзя и отменить. Особенно (это касается случаев), когда от имени отсутствующего договор или дарение акцептовал нотариус, публичное или частное лицо, которое в соответствии с *ius commune* или партикулярным правом полномочен совершать такое действие»¹³.

Рассмотрев высказывания поздних схоластов, можно констатировать, что *тезисы Гуго Гроция* не отличаются принципиальной новизной. В главе «Об обещаниях» трактата «О праве войны и мира» автор ставит частный вопрос об акцепте обещания не бенефициаром и в процессе его анализа переходит к общим рассуждениям о значении обещания, его обязательности, отзывности и др.

Ранее мы уже отметили, что Гроций выделяет три вида обещаний: 1) простое выражение собственного мнения; 2) обязательное по естественному, но не позитивному праву одностороннее обещание (*pollicitatio*); 3) полноценное обещание передать другому лицу имущественное право (*promissio perfecta*)¹⁴. Разумеется, наибольшее значение для права имеет *promissio perfecta*. Однако само по себе данное обещание не порождает обязательства. Гроций придерживается позиции, высказанной прежде Коваррувиасом: «...Чтобы обещание привело к переходу права, как и при передаче собственности, требуется акцепт (выгодоприобретателя)» (*De iure belli ac pacis*, Lib. II. Cap. XIV, § 14 (335—336)). Таким образом, даже

¹³ *Covarruvias D. Variarum resolutionum* Lib. I, cap. 14, № 13 // *Opera omnia*. Vol. II. Antwerpen, 1638. P. 73.

¹⁴ См.: Полдников Д. Ю. Основные этапы формирования современного понятия гражданско-правового договора // *Цивилистические исследования : ежегодник гражданского права* / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. М., 2007. Вып. III. С. 93—94.

естественное право предполагает акцепт выгодоприобретателем данного ему обещания, которое до этого момента может быть отозвано правообладателем. Согласие выражается в форме некоего знака (*signum*), подробного объяснения которого Гроций не дал.

Итак, акцепт играет важную роль в доктрине голландского правоведа. Но как и от кого его получить, если обещание дано в пользу отсутствующего? При решении проблемы «акцепта за другого» (*acceptatio pro altero facta*) Гроций вновь обращается к делению элементов обещания, принятому Гомесом и другими поздними схоластами: «кому обещано исполнение» и «что обещано в качестве исполнения». Обещание может быть адресовано либо присутствующему кредитору, либо отсутствующему выгодоприобретателю: «Иногда возникают споры по поводу акцепта, данного за другое лицо. В таких случаях следует разделять обещание, данное мне, передать вещь другому и обещание, адресованное на имя того, кому следует дать вещь» (*De iure belli ac pacis, Lib. II. Cap. XI. § 18 [1] (337)*).

Велик соблазн в приведенных словах Гроция увидеть принятое современным правом разделение между заключением сделки представителем от своего имени (модель комиссионного договора) или от имени принципала (модель договора поручения). Но правовед XVI в. имеет в виду нечто другое.

Ситуация 1. Обещание в пользу отсутствующего адресовано присутствующему «кредитору» и им же акцептовано. В таком случае «кредитор» (*stipulator*) приобретает, как пишет Гроций, некое «право сделать так, чтобы третьему лицу принадлежало право, если и он акцептует» данное обещание. Причем право возникает, даже если «кредитор» никак лично не заинтересован в приобретении права третьим лицом. Раз он располагает неким правом (*ius efficiendi*), то может им распорядиться по своему усмотрению и освободить должника от данного обещания: «Если мне дано обещание (для другого. — *Д. II.*), то не важно, есть ли в нем мой личный интерес, как того требует римское право, (ибо) считается, что по естественному (праву) мне предоставляется право сделать так, чтобы кому-то другому принадлежало право, если он даст на то согласие. При этом (до ответа выгодоприобретателя. — *Д. II.*) должник не может отменить обещание, а я, кому оно адресовано, могу освободить (его от обещания)» (*De iure belli ac pacis, Lib. II. Cap. XI. § 18 [1] (337)*).

Выражение «право сделать так, чтобы третьему лицу принадлежало право, если и он акцептует» получило неоднозначное толкование в литературе. Некоторые исследователи усматривают в нем указание на право заключающего стипуляцию представителя потребовать исполнения в пользу третьего лица того, что ему было обещано¹⁵. Однако сам Гроций ничего прямо на сей счет не пишет и даже не употребляет широко используемый поздними схоластами глагол «уступить» (право) (*cedere*). Голландский правовед следует своим испанским коллегам в главном: устраняет требование материальной заинтересованности кредитора в ис-

---

¹⁵ См.: Müller U. Op. cit. S. 128.

полнении обещания третьему лицу. Впрочем, нельзя с определенностью утверждать, что Гроций в данном случае различает субъективное право (обещанное отсутствующему) и право на его исковую защиту (предоставленное акцептующему кредитору).

Ситуация 2. Обещание в пользу отсутствующего адресовано самому отсутствующему, но акцептовано присутствующим «кредитором»-представителем. Здесь наиболее важным Гроций считает факт наличия полномочий представителя на такой акцепт. Если полномочия имеются, возникает *promissio perfecta* в пользу отсутствующего: «Если обещание дано в пользу того, кому следует передать вещь, то необходимо различать, кто его акцептует: есть ли у него на то специальное поручение...» (*De iure belli ac pacis, Lib. II. Cap. XI. § 18 [2] (338)*).

Для Гроция само собой разумеется, что акцептовать адресованное третьему лицу обещание может любое лицо, а не только ему подвластное, как предписывает римское право и доктрина *ius commune*. К тому же предполагается, что назначив представителя, он одобрил действия последнего. Здесь мы имеем дело с отношениями, чрезвычайно напоминающими современную концепцию представительства: акцепт обещания уполномоченным лицом производит непосредственные правовые последствия для отсутствующего принципала (адресата обещания). Впрочем, Гроций не пишет, что представитель акцептует «от имени» отсутствующего.

Иначе обстоит дело с акцептом без соответствующего поручения или полномочия. По правилам *ius commune* стипуляция такого рода, несомненно, признавалась недействительной и должник был вправе отозвать свое обещание. Однако Гроций считает такой отзыв недобросовестным: «Если кто-либо, кому обещание не адресовано, акцептует его безо всякого поручения (выгодоприобретателя), но с согласия обещающего (должника), то эффект будет следующим: должнику не следует отменять обещание до тех пор, пока тот, кому оно адресовано, не примет или не откажется от него; тем временем тот, кто акцептовал (обещание), не может отказаться от него, поскольку данное обещание служит не для передачи права, а чтобы обязать должника сдерживать свое слово и исполнить (обещанное) благодеяние. Таким образом, если должник сам откажется от обещания, то поступит вопреки добросовестности, но не нарушит чьего-либо права» (*De iure belli ac pacis. Lib. II. Cap. XI. § 18 [2] (338)*).

Недобросовестность заключается в нарушении неформального соглашения между должником и присутствующим «кредитором» о том, что должник выполнит свое обещание в пользу третьего лица.

В титуле «Об обещаниях» Гроций, как и поздние схоласты, рассматривает особую разновидность сделок в пользу третьих лиц — обещания под условием: «...Условие в пользу третьего лица, добавленное к обещанию, может быть отменено до тех пор, пока оно не акцептовано третьим лицом» (*De iure belli ac pacis. Lib. II. Cap. XI. § 19 (338)*).

Речь вновь идет о дискутируемой в *ius commune* ситуации с дарением, совершенным под условием, что дар по истечении определенного срока или наступления известного условия перейдет в собственность треть-

ему лицу (конституция Диоклетиана С. 8.54.3). Очевидно, Гроций рассматривает такое условие как обещание дарителя передать имущество в собственность отсутствующему бенефициарию. Это позволяет объяснить, почему правовед допускает возможность отмены такого условия: его не акцептовал ни выгодоприобретатель, ни его представитель. Кроме того, подобные условия, как дополнительные соглашения, можно прибавить к основному обещанию, пока оно не акцептовано выгодоприобретателем или его представителем, действующим по поручению или без такового¹⁶. В первом случае речь идет об акцепте, а во втором — о скреплении обещания добросовестностью (*fides interposita*), препятствующей его отмене (*facta irrevocabilis*).

Процитированные высказывания Гроция дают основание утверждать, что он проводил аналогию между вышеупомянутым условием договора и обещанием в пользу отсутствующего. Однако в данном случае речь не идет о современном понятии представительства. Автор трактата «О праве войны и мира» не выстраивает его общей концепции, не объясняет основания, по которому выгодоприобретатель вправе предъявить одаряемому иск об исполнении условия.

***

Проведенный нами исторический обзор этапов развития прямого представительства показывает, что не каждый институт гражданского права восходит к правопорядку Древнего Рима. Запреты заключать стипуляцию в пользу третьего лица и приобретать имущественные права через посторонних препятствовали появлению общей концепции прямого представительства, а также договоров в пользу третьих лиц не только в римской юриспруденции, но и в средневековом римском праве (*ius commune*), разработанном глоссаторами и комментаторами в XII—XV вв.

2010. № 1
Основные положения концепции прямого представительства формируются после того, как правоведы приходят к необходимости выделить особую группу обещаний — в пользу отсутствующего выгодоприобретателя, когда формальный кредитор может действовать без поручения (*mandatum*) конечного бенефициара. Из всех рассмотренных доктрин наиболее полная, несомненно, предложена Гуго Гроцием.

Однако преждевременно признавать голландского правоведа создателем современного института представительства. Во-первых, многие положения его доктрины высказывались представителями малоизвестной ныне испанской школы поздней схоластики XVI в. В их произведениях, как мы отметили выше, содержится толкование кастильского закона XIV в. «Если окажется...». Вопреки нормам римского права и доктрине *ius commune* данный закон объявляет источником обязательства неформальные соглашения (*pacta nuda*) и запрещает должникам отказываться от исполнения обещанного со ссылкой на несоблюдение каких-либо формальностей или на отсутствие выгодоприобретателя в момент совершения сделки. Однако допускающие двоякое толкование положения

---

¹⁶ De iure belli ac pacis. Lib. II. Cap. XI. § 19, 338.

данного закона не исходят из общей концепции представительства. Поздние схоласты, толкуя кастильский закон, сформулировали ряд тезисов, высказанных позднее Гуго Гроцием. Так, Гроций и Антонио Гомес проводят различие между адресатом обещания и обещанным исполнением и анализируют с помощью данного деления различные ситуации, когда адресат, акцептант и выгодоприобретатель по обещанию совпадают или не совпадают. У Диего Коваррувиаса Гроций мог заимствовать представление об акцептованном обещании как источнике обязательства, а также основанный на нем тезис об отзывности обещания до момента его акцепта выгодоприобретателем.

Во-вторых, несмотря на общую логическую стройность, предложенная Гроцием трактовка отношений представительства все еще содержит заметные пробелы (в чем содержание «знака» об акцепте? почему представитель вправе освободить должника от обещания, которое адресовано ему, но предполагает передачу права в пользу третьего лица? какова природа «права сделать так, чтобы третье лицо получило обещанное»? и др.). Пожалуй, главное упущение Гроция — это отождествление акцепта «от имени третьего лица» и «от своего собственного имени». Именно оно, по нашему мнению, и не позволило ему прийти к идее представительства без прямого поручения, получившей окончательное оформление в правовой доктрине последующих столетий.

Московский государственный университет

*Полдников Д. Ю., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник юридического факультета МГУ, доцент кафедры международного права ГОУВПО
Российская академия правосудия
E-mail: poldnikov@gmail.com
Тел.: 8-926-247-49-39*

Moscow State University

*Poldnikov D. Y., Candidate of Historical Science Senior Scientific Researcher of the Law Faculty of the MSU, Associate Professor of the International Law Department of Russian Academy of Justice
E-mail: poldnikov@gmail.com
Tel.: 8-926-247-49-39*